

Тамерлан / окончание

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Тамерлан / окончание 31.

Втроем – Тимур, Чеку и Сардар – стоят в проеме двух колонноподобных опор галереи на фоне тренирующихся вдали и внизу воинов из тимуровской тысячи.

– Догадываетесь, зачем вы здесь со мной? – начинает Тимур.

– Мы не бабы, строящие догадки – говори, что тебе от нас требуется, – горячится Чеку.

– Да, мы воины, мы с щенячьего возраста вместе, мы хорошо знаем друг друга.

– Были щенками – стали волками, – подхватывает Сардар. – Говори, что тебе надо.

Тимур достает из колчана стрелу, протягивает Сардару.

– Знакомая стрела, – произносит Сардар, – ты мне говорил о ней.

– Из охоты на газелей, – говорит Чеку.

– Мне нужна твоя помощь, Сардар.

– Найди “охотника” на “газель”... я познакомлю тебя с кузнецом Рустамом... покажем ему наконечник стрелы. Остальное...

– Остальное не стоит разъяснять. У меня волчий нюх...

– Чеку, – обращается он к приятелю, – мы действительно из одной стаи, верно?

– Да, так.

– Тем не менее... мы люди.

– И это верно.

Тимур берет за локоть Чеку, отводит в сторону.

– Тебе есть что сказать мне, дорогой друг? Ты все разузнал?

– Для этого пришлось мне, лучшему воину твоей тысячи обратиться в мышь... – отвечает Чеку Барлас.

– Говори поживей!

– Бедная девочка! Бедная птичка, попавшая в силочку!

– ?

– Я проник во все дыры в кишлаке, я выяснил, Тимур: Саллах...

вонючий шакал Саллех... тот Саллех, которого ждет – не дождется моя... наша сабля... О, при первом же удобном случае проткну его пузо стрелой... отделию его шакалью голову... как голову барана!...

– К делу! Говори!

– К делу – значит к делу! А дело, доблестный Тимур, не в радость:... в дом Абдрахмана вот-вот нагрянут сваты Саллеха!

– Что Абдрахман?

– Абдрахману все равно – было бы больше навару. Да и родственные связи Саллеха и этого... Долона – О! Как ты ловко, отправил его душу на небеса!

– Молчи! Речь не о Долоне!

– Молчу! Молчу! Ты, Тимур, единственный в мире человек, перед которым я благоговею, – говорит Чеку Барлас, целуя искренно руку Тимура.

– Говори! Разве мы не в состоянии помешать Саллеху? Мы в самом деле мыши!?... – молвит Тимур, вырвав руку и не на шутку разгневавшись.

– Я обдумал, Тимур. Мы освободим птичку и ... упрячем в свою... клетку...

– Похитим!?

– Но зачем так грубо – мы освободим и упрячем. Скажи куда? Назови место, Тимур!

Тимур задумывается, а затем произносит:

– Накануне мне приснился сон: будто я сижу... у сестры Туркан в Самарканде... слушаю ее рассказ...

– Поистине волею Аллаха тебе приснился вещий сон! – с ходу подхватывает Чеку Барлас, – Вот мы птичку и упрячем в Самарканде! Я знаю Туркан, вашу сестру; я знаком с вашим зятем Мухаммадом! О, Тимур!..

– Что еще?

– Завтра караван из Турфана начинает торги в Кеше.

– Еще?

– Она будет там.

– Она прибудет в Кеш?

– Да, Тимур, да. У меня чешутся руки. Завтра она будет наша.

Но Тимур, полагая, что на этом деликатную беседу можно закончить, резко поворачивается, взглядом подзывает к себе Сардара:

– Я надеюсь, Сардар, на знания кузнеца Гуляма, я верю, Сардар, в твое усердие!.. И в твое, Чеку.

– Но волки ходят стаями, я один.

– А меч!? А твой лук!?

– Я один стою стаи волков – наконец-то ты оценил меня, – восклицает восторженно и откровенно хвастливо Чеку.

– А ты меня, – говорит Тимур.

Тимур подводит друзей – сотников к краю проема в галерее: там продолжается тренировочная суета.

– Вот наша стая! – молвит Сардар. – Готова перегрызть любому горло!

– Молю Аллаха, – говорит задумчиво Тимур, – чтобы среди них не оказалось ни одной “газели”

32.

Кеш. Большие толпы людей у прилавков, на которых разместил свои товары караван из глубин Восточного Туркестана. Масса молодых людей, в центре выделяется человек с роскошными усами и окладистой бородой, который говорит полушепотом стоящим рядом с ним людям, показывая взглядом на новых посетителей, словно комментируя:

– Вот... явились... этот в белом тюрбане – брат ее... эти –

родственники Саллеха... Ах! Шакал не успел жениться, а уже явился с охраной!... А вот – внимание! Внимание! – Кажется, одна из этих птичек... она... Но почему обе в одинаковых платьях!? Почему!?...

Мужчина с роскошными усами и окладистой бородой в недоумении. Но вот одна из двух девушек на миг – другой приподнимает чадру, стараясь разглядеть товар – образец великолепного шелка, и этого мгновения оказалось вполне достаточно, чтобы мужчина с роскошными усами и окладистой бородой в волнении едва не воскликнул:

– Она!

Далее события разворачиваются так. Молодые люди вклиниваются в группу посетителей, незаметно оттирая от девушек мужчин – их охрану. В какой-то момент один из молодых людей “гневно” набрасывается на “охранника”:

– Господин вы грубо толкнули меня.

На что следует не менее гневный, на этот раз искренний, ответ – начинается перепалка, а затем и всеобщая потасовка. Другая часть молодых людей еще дальше оттесняет девушек, а затем, подхватив их на руки, исчезают с ними в толпе...

33.

Небольшое помещение. У стены, прямо на полу, рыдая, сидят знакомые нам девушки в чадрах. Рядом – несколько молодых (и тоже знакомых нам по предыдущему эпизоду) людей. Вот к плачущим девушкам подходит, садится перед ними на корточки человек с роскошными усами, говорит:

– Я не убийца, не разбойник – я доблестный воин из гвардии эмира – не бойтесь, откройте ваши... благоухающие лица! Я должен убедиться, что одна из вас очаровательная... Жамбы..., а вы... – кто из вас Жамбы?

Одна из девушек решается приоткрыть чадру – перед усатым и

бородатым мужчиной возникает лицо знакомой девушки.

– Вы... вы Фатима из... нашего кишлака барласов!? – не на шутку взволнован мужчина с роскошными усами и окладистой бородой.

– Да, последние годы мои прошли среди барласцев, господин.

– Я вас впервые вижу, – продолжает всхлипывать девушка по имени Фатима.

– Я... Чеку! – продолжает мужчина. – Смотрите!

Мужчина сдирает с себя усы и бороду и действительно преображается в Чеку Барласа.

– Чеку! – удивлена на этот раз девушка Фатима. – Но зачем...

– Зачем все это? Скоро птички узнают откуда корм.

Потерпите... Не бойтесь. Вас будут содержать в золотой клетке. Вам будут подавать сладкий щербет... лучших сортов халву... О фруктах, шелках молчу...у вас будет настоящая райская жизнь!... А сейчас ответьте: кем приходится... эта... подруга?

– Она моя госпожа.

Сочла необходимым открыться на мгновение, словно желая продемонстрировать себя, и вторая девушка.

– Не надо нам райской жизни – я требую, Чеку, отправить нас домой!

Чеку Барлас неожиданно преображается в голосе его звучит металл:

-Это невозможно, уважаемая госпожа Жамбы... Убедительно прошу не отказываться от райской жизни!

В ответ раздается дружный рев девушек.

За дастарханом двое – Хусейн и Тимур.

– Ну, вот и наступает пора прощания, – произносит Хусейн, за этот год ты стал мне настоящим другом, разве не так?

– Истинно. Но почему «прощание»? Я, надеюсь, что судьба сведет нас вновь, – говорит Тимур.

– Судьба подобна капризной женщине: где и с кем она сведет ведомо одному аллаху.

– Я верю, что мы останемся друзьями, а где свидимся – здесь ли, в Кеше, Самарканде, или твоих землях... в Кабуле, Балхе ли – это не существенно и значимо. Подойдем к окну, – они встанут, подходят к окну – там, за окном отчетливо виден караван Хусейна, готовый тронуться в путь. – Существенно, что я уезжаю, но существенно и то, что ты остаешься при моем деде, отце, как мой друг... Свидимся здесь – одно, у меня, в Кабуле или Кундузе – другое...

– Я не готов, Хусейн, к философствованию, – признается Тимур.

– Хорошо, скажу проще: Ты, Тимур, не только друг, но и воин – будь ими до скончания жизни...

Тимур благодарно кивает головой.

– Ты можешь упрекнуть меня в чем-нибудь? – продолжает Хусейн.

– Нет, – коротко отвечает Тимур.

– Тимур и Хусейн обмениваются взглядами, в которых можно увидеть многое из того, что было сказано ими выше.

35.

От городских ворот удаляется длинная кавалькада: впереди – большой отряд воинов – всадников, за ним – другая группа всадников с Хусейном во главе, далее – караван с хозяйственным и др. принадлежностями, в конце – снова воины Хусейна... Отъехав на приличное расстояние, Хусейн, отныне правитель Афганистана,

невольно оборачивается, замечает на городской стене одинокого человека... Тимура, который еще долго стоит на возвышении – до тех пор, пока кавалькада, этакой людской рекой, не завернула за холм...

36.

Базар в Кеше в разгаре: на прилавках и просто на земле – горы всякого рода фруктов, овощей и т.п., выкрики торговцев, расхваливающих свой товар. Вдоль прилавков – пестрые толпы покупателей, зевак...

Обращает внимание мальчик лет 10-12, шныряющий у фруктовых рядов. Вот он продирается к груде аппетитных груш.

– Груши, Груши! Сочные! – выкрикивает торговец.

Нашлись и покупатели, но тут вмешивается мальчишка:

– Подарите, дяденька, бедному сироте одну... только одну сочную грушу!

– Откуда взялся, оборванец – вон отсюда! Живее!

Мальчик не теряет находчивости – парирует, обращаясь к покупателям:

Напрасно груши вас прельстили:

Снаружи хороши, изнутри –

Как зубы, с гнилью!

– Ах, оборвыш! Щенок! Чьи зубы ты имеешь в виду! – выходит из себя торговец.

– Твои зубы! – бросает мальчик убегая.

У торговца действительно гнилые зубы и это веселит покупателей и, напротив, еще пуще злит торговца:

– Кто этот оборванец!? Кто знает его?

Из небольшой толпы покупателей протискивается такого же возраста мальчишка:

– Я знаю его.

– Говори.

– Скажу, но сначала дайте мне одну... грушу, – канючит мальчишка.

Торговец, поколебавшись, достает из груды самый невзрачный плод:

– На! Говори живее!

– Скажу, но только дайте не эту, а ту, – продолжает торговаться мальчишка.

Торговец, и на этот раз поколебавшись, все-таки исполняет просьбу мальчишки, после чего тот говорит:

– Это Хафиз.

– Хафиз – имя или прозвище?

– Больше ничего я не знаю! – вдруг заявляет мальчишка и убегает, оставив продавца груш, снова взорвавшегося проклятиями.

А между тем мальчишка по имени Хафиз останавливается у закусочной, где торгуют пирожками и колбасками.

– Колбаски! Колбаски! Из самой лучшей конины! Налетай, народ! – призывает и этот продавец.

И вокруг него собираются будущие и настоящие едоки, и здесь происходит почти тоже, что только что мы видели у фруктового ряда. И здесь Хафиз просит:

– Уважаемый продавец, дайте кусочек колбаски, лучше которой нет ничего вкуснее на этом свете!

Сценку эту наблюдает двое воинов, среди которых мы узнаем ... Тимура в ... обычном, явно с целью маскировки, воинском одеянии... и Саида...

– Смотри-ка! Кусок колбаски! А может быть тебе дать целую колбасу!? – передразнивает Хафиза продавец, а затем рычит:

– Вон отсюда, паршивец!

Но и здесь мальчик Хафиз не теряется, сходу конструирует едкое двустилие:

– Люди, берегитесь, в колбасе упрятана

Лукавым поваром вонючая ослятина!

Продавец – в бешенстве; кто-то из едоков со словами «О, ослятина!» выбрасывает колбасу оземь. Мальчик пытается бежать, но не успевает – его хватает цепко за ворот одежды продавец, норовит дать оплеуху, однако его вовремя удерживает за руку Тимур. Отстранив продавца, Тимур, удерживая мальчика, обращается к нему:

– По-твоему, мы сейчас ели вонючую ослятину!? Отвечай!

– Нет! Нет! Это ум обманул мой пустой, несчастный желудок! Доблестный воин, разве я стал бы есть ослятину?

– А это мы сейчас узнаем. – говорит Тимур, затем обращается к продавцу:

– Колбасу ему за мой счет! – а затем мальчику. – Ешь!

Мальчик с большим аппетитом ест. А это рождает, как и в прошлый раз, веселое оживление.

– Откуда ты знаешь о моих доблестях?

– Здесь знания не нужны.

– ?

– Здесь нужны глаза. А мои глаза видят: вы – доблестный воин!

– Ты поэт?

– Пока нет, но буду им!

Протискивается сквозь массу людей, как в прошлый раз, второй мальчишка:

– Я скажу, кто он – дайте мне кусочек колбасы.

Но не таков Тимур.

– Тебя не спрашивают! Прочь отсюда! – и после небольшой паузы продолжает диалог с первым мальчиком: – Ты будешь им?

– Да... Но только после того, как откушаю когда-нибудь... вонючей ослитины!...

Окружающие в недоумении.

Мальчик собирается уходить.

Продавец пытается снова задержать мальчика, но Тимур неумолим:

– Пусть идет. Пирожки ему от меня. Каждому – свое: кому конина, а кому – ослитина.

37.

Примерно такого же рода базарная суэта едва ли не на каждой улице Кеша. По одной из улочек с набитым ртом, то и дело оглядываясь вокруг себя, и останавливаясь, медленно шагают знакомые нам мальчишки...

– Почему тебя зовут Хафизом? Ты действительно знаешь коран наизусть? – спрашивает второй мальчик.

– Пока не весь коран. Только три первые суры – отвечает Хафиз.

Останавливаются на перекрестке двух узеньких улочек неподалеку от человека, который расположившись на коврике прямо на земле,

выкрикивает:

– Предскажу будущее с помощью цветных камешков! Предскажу.

Перед человеком поверх кожаного коврика рассыпаны камешки-кругляшки, из которых он машинально сооружает на коврике разноцветные кучи. Но вот перед ним останавливается незнакомец – интересуется:

– Сможете предсказать судьбу по расположению звезд?

– Чью судьбу?

– Моего брата.

После этого ответа, гадалщик показывает на человека напротив:

– Идите к тому человеку, он в состоянии предсказать по звездам.

Незнакомец идет к человеку напротив и после весьма короткой беседы скрывается тут же за воротами.

Мальчишки насторожились: к гадалщику подходит еще один незнакомец и между ними происходит диалог, аналогичный предыдущему и, что изумляет одного из мальчиков, и этот по знаку человека напротив исчезает в проеме тех же ворот...

Гадалщик только теперь замечает мальчиков, спрашивает:

– А вам что надо, дети? Погадать о будущем?

– Нет, у меня к вам вопрос, – осмеливается мальчик по имени Хафиз.

– Спрашивай.

– Как определяют расположение звезд днем? Где они, звезды?

– Днем звезды можно установить с помощью книг, – отвечает глубокомысленно гадалщик.

– Каких книг?

– Книги о звездах хранятся в библиотеке эмира – ясно?

Ученые книги! – уже нехотя не без раздражения бросает гадалщик. – А теперь ступайте! Ступайте!

Мальчик Хафиз в знак согласия кивает головой и со своим спутником идет дальше под знакомые выкрики гадалщика.

38.

Неподалеку от ворот города, доедая пирожки, стоят знакомые нам мальчики. Но вот доеден очередной пирожок.

– А теперь прощай! – вдруг произносит Хафиз.

– Ты куда теперь? – несколько обескуражен “напарник”.

– Разве не говорил я тебе, куда? В Самарканд – вот куда!

– В Самарканд? Прямо сейчас!? – на этот раз действительно озадачен “напарник”.

– Слушай! Тебя как зовут? – как бы спохватившись, прямо таки по-взрослому спрашивает Хафиз. – Мы с тобой незнакомы как следует.

– Х-хамид, – шмыгая носом, говорит “напарник”

– Не нравится мне ваш город, Хамид. Меня всегда тянуло... в Самарканд, там замечательное медресе, – говорит мечтательно Хафиз.

– Ты хочешь поступить в медресе?

– А как ты думаешь!

– Тебя примут?

– У меня письмо.

– Кому письмо?

– “Кому-кому” – тебе зачем это знать... Все! Я пошел. – Хафиз направляется к воротам. Исчезает за ними в толпе.

Немного постояв, следом бросается и Хамид.

39.

Шагает по колдобистой дороге мальчик Хафиз. Но тут его нагоняет запыхавшийся Хамид. Хафиз останавливается; он не скрывает удивления.

– Я с тобой! – заявляет Хамид. Я тоже хочу в Самарканд!

– Ты? В Самарканд!? Что тебя гонит в Самарканд?

Хамид растерян.

– Ну, ладно, ладно, – приходит на помощь мальчик Хафиз. – Хочешь скажу еще что-то...

– ?

– Еще я... хочу попроситься в... ученики к Джафари.

– Кто он, этот Д-жа-фа-ри?

– Как, ты не знаешь Джафари? – удивляется мальчик Хафиз и окинув не без сожаления с ног до головы Хамида, добавляет. – Ты прав: откуда тебе знать Джафари, – и мечтательно произносит: – Джафари – лучший поэт Самарканда – вот кто он такой! Какие у него газели?

– Поэт? Газели?

– Я вижу, ты впервые слышишь эти слова?

– Впервые, – соглашается Хамид.

– Эх, ты! – вздыхает Хафиз и по-отечески добавляет – ладно, пошли. На месте, в Самарканде, разберемся... Идут. Заворачивают

за уступ глиняного оврага. Но за кадром еще слышится, затухая, голос Хафиза: “Слушай, что говорит Джафари” – и далее читает в слух отрывок газели...

40.

В небольшом помещении, образовав кружок, на деревянной тахте сидят мужчины. Их сравнительно немного, среди них – и знакомые нам люди, которых мы перед этим видели у гадальщика, а раньше на охоте – товарищи Саллеха. Но главное здесь же и сам Саллех. Судя по лицам, здесь идет непростая дискуссия.

– Я согласен: да, южане топчут нас, северян! – говорит один из заговорщиков.

– А что Эмир Казанган делает с Мавераннахром: Афганистан отдал внуку, а этого... молокососа... – молвит третий

– Барласца Тимура... – подсказывают тому.

– Да, племянника Хаджи Барласа... сделал тысячником, отдал в жены внуку, а завтра – не приведи Аллах! – И темником... Помяните, мое слово.

– А Саллеху... наследнику почтенного... темника Боролдоя, отказывает во всем это противозаконно! – восклицает другой, – Саллех, разве я не прав? Скажи! Если не прав, пусть отсекут мне язык.

Все смолкают в ожидании выступления Саллеха и тот, не заставляя себя ждать – медленно, но, четко подчеркивая едва ли не каждое слово, произносит:

– Никто из нас не станет отрицать: эмир Казанган на этом не остановится – остановить его можем только мы...

– И только смерть! – поддерживает Саллеха его товарищ, – кто думает иначе, пусть выскажется сейчас. Здесь.

И снова воцаряется напряженное молчание.

С места поднимается в конце помещения человек, которого мы в предыдущем эпизоде видели у ворот напротив гадальщика – хозяин жилища произносит:

– А сейчас высокочтимые гости, прошу сосредоточить внимание на нашей скромной пище.

В центр дастархана ставятся чаши с традиционным угощением – пловом.

41.

Тимур и его друг Сардар продолжают проход по базару, идут вдоль мясного ряда, где выставлены туши животных, их внутренности... останавливаются перед необычной пирамидой из десятков опаленных бараньих голов. Продавец – мясник явно доволен.

– Ну, как нравится?

Тимур смотрит на осклабившегося в улыбке продавца, молча идет дальше, но какая-то сила заставляет его обернуться и взглянуть на необычную пирамиду из опаленных бараньих голов, на самодовольное лицо мясника... – спрашивает у него:

– А тебе?

– Красиво, – откровенно любуется тот, продолжая улыбаться. – сам придумал!...

– Мы почти у цели, Сардар, – говорит Тимур и наконец-то решительно идет вперед.

42.

Мастерская кузнеца Гуляма. За работой кузнеца молча наблюдают, устроившись на лавке, Тимур и Сардар. Гулям кладет на наковальню раскаленное железо. Постучав по нему молотком, опускает его в корыто с холодной водой, отбрасывает заготовку и молоток и, вытерев пот, садится напротив визитеров.

– С чем пожаловал на этот раз сын Торгая – справиться о моем здоровье? А этот – твой приятель? Почему в таком одеянии? Тебя разжаловали? – начинает Гулям. – Ближе к делу!

– Это, – кладет Тимур руку на плечо Сардара, – наш человек.

– Я готов выслушать добрых людей.

– У меня к тебе дело, – берет из рук Сардара Тимур стрелу, протягивает ее Гулям.

– Не понимаю.

– А ты подумай, дядя Гулям.

– А-а-а... Вот как!... Такие наконечники – не моя работа и...

– Что “и”?

– Пожалуй – что в Кеше и в окрестностях Кеша...

– Что “пожалуй – что”? – не терпится Тимуру.

– Я хочу сказать: у нас никто такие наконечники не изготавливает... Это так же ясно, как то, что сейчас перед вами сидит и говорит приятель твоего отца Торгая кузнец Гулям... Вот – смотрите, – Гулям подводит Тимура и Сардара к стене, на которой вывешена коллекция стрел, – это – моя работа... Это Абдуллы... Это – Латифа...

– Ни одной похожей?

Гулям отрицательно качает головой. Гости собираются уходить, но Гулям, почесав грудь, знаком останавливает их:

– Попробуйте заглянуть в карасуйские кузницы... Если, конечно, сочтете мой совет полезным.

Гости уходят, Гулям провожает их долгим взглядом... Затем, покачивая головой, продолжает работу...

Разумеется, Тимур не мог игнорировать совет кузнеца Гуляма. Сардар побывал в маленьких мастерских далеко за пределами Кеша, беседуя с тамошними мастерами... С одним – этот что-то говорит Сардару, не отрываясь от работы...; со вторым – а этот качает отрицательно головой, перед этим внимательно осмотрев стрелу...; со следующим – этот, прощаясь с Сардаром, тоже отрицательно качает головой...

44.

Тимуру снится странный, в какой-то степени, выдержанный в сюрреалистическом духе сон. Сначала привиделся... мясник, который... почему-то размахивая саблей говорил: “Власть? Вот она! Власть! Власть!...” Тимур поворачивал голову – и перед ним откуда-то возникала знакомая “пирамида” из опаленных бараньих голов... и снова – мясник, который на этот раз держал в руках не саблю, а голову... эмира!... А вокруг стояли... “охотники на газелей”... Тимур просыпается, видит: супружеское ложе... рядом сладко спящую Айджал... Вытирает со лба пот: слава Аллаху, что это был всего – на всего сон... Оставляет ложе и начинает лихорадочно одеваться. Просыпается встревоженная Айджал:

– Что случилось!? Куда в такую рань!?

– К твоему отцу! – бросает уже с порога Тимур.

45.

Дворец эмира в Кеше – архитектурная предтеча в будущем замечательного тимуровского Ак-Сарая («Купол науки и морали»), который и в этом виде впечатляет. Вот Тимур идет по двору, перед ним расступается стража, он ступает вдоль галереи перед ним открывают двери в сад. Под развесистым деревом на деревянной тахте, в окружении розария и слушая пение перепелки за чашечкой чая сидит Абдаллах.

– О, сын мой, добро пожаловать на утренний чай, – приветствует Абдаллах, указывая место рядом с собой.

Тимур усаживается.

– Вы здоровы?

– О, да.

– Здорова ли Айджал?

– Конечно.

– Но на лице у вас написана тревога.

– Отец, – начинает Тимур, но Абдаллах знаком руки просит воздержаться, с умилением прислушиваясь к пению перепелки. Заточенной, как и другие птицы, в ажурные клетки напротив.

– Слышите, она приветствует утро. Вот отчего я люблю это время. Ах, как замечательно! Т-с-с!...

Абдаллах действительно полностью во власти пения перепелки.

– Сейчас ей ответит другая – слушайте...

Через какое-то мгновение откуда-то из глубины сада за розарием доносится пение другой перепелки.

– Слышите? Ах, как прекрасно! Они говорят между собой! На своем языке! Одна здесь, другая там!

Тимур согласно, но на деле маскируя раздражение, кивает головой.

– А розы мои! Знаете откуда они завезены?

– Из Самарканда? – не очень умело подыгрывает Тимур.

– Нет! Нет! Розы из Хоросана – да! Да! Из Хоросана! Предлагаю подойти к ним и вы ощутите их аромат... любви.

Абдаллах подводит к одной из пышных клумб с розами, восторженно, почти шепотом произносит:

– Ощущаете?

– Да.

– Что?

– Запах – вы правы – любви...

– А эти шипы! Не кажется вам, что они. Как доблестные воины, оберегают изящные головки любимых женщин. А теперь, сын мой, я охотно выслушаю: что заставило придти в такой ранний час? Только, пожалуйста говорите... мягче... Не спугните музыку утра...

– Я слышал, что наш высокочтимый отец отцов – да, будет милостив к нему Аллах! – собирается на охоту.

– Да, конечно. В следующем месяце, а что?... Хотя догадываюсь: Хусейн рассказывал об этой... злополучной стреле – разве не так?

– Поражаюсь вашему умению читать чужие мысли: именно об этом я хотел напомнить. И дать совет...

– Совет? Кому? Мне?

– Пусть отложит эмир охоту.

– Но это невозможно.

– Почему?

– Я знаю отца, – нюхая розу, – говорит Абдаллах, – он никогда не отступится от своего решения. И к тому же... эта стрела – бог знает что. Отец знает об этом. Ему стало смешно. Он же терпеть не может... малодушия... и к тому же, как сказано в книгах, в одну реку невозможно войти дважды.

– Это сказал, кажется, греческий мыслитель, – говорит Тимур.

– Похвально, – в это время внимание Абдаллаха захватывает пение перепелки и, немного послушав пение птицы и возвращаясь на свое место, он добавляет: – Хорошо, я попрошу отца – он

тебя примет, но ты сам скажешь о своих... тревогах... а сейчас послушаем... посидим рядом...

– О, прекрасно! – едва ли не полупшепотом продолжает Абдаллах, отец Хусейна и Айджал.

46.

И снова дворец эмира Казангана. Пышный интерьер помещений в восточном стиле с охраной у дверей. Тимур подходит к дверям.

– Тысячник Тимур сын Торгая, – представляет он себя стражникам.

Тотчас двери перед ним открываются. Тимур следует через проем в следующее помещение. Однако впереди его проходит глава стражников – подает знак следующей двойке стражников, застывших у следующей двери – те открывают двери. То же происходит во время прохода его в третье помещение, четвертое и т.д. Вот – тронный (назовем так) зал эмира Казангана.

– Тысячник Тимур сын Торгая, – докладывают эмиру.

Эмир Казанган – его застаем мы у окна в стороне от трона – в приветствии поворачивает голову.

– Верно, верно: ведь ты тысячник. Ну, конечно, тысячник! – будто запямятовав, а теперь “нечаянно вспомнив” произносит Казанган. В таком возрасте и уже тысячник! Наслышан о твоих подвигах! Ну, ладно – о подвигах поговорим в следующий раз...

Тимур пытается деликатно остановить монолог эмира, но тот, заметив, что визитер собирается говорить, “неумолимо” продолжает:

– Знаю! Знаю! Ни слова – о стреле! Неужели у меня нет ничего другого, над чем следует поломать голову!? Отложить охоту!? Ты представляешь какой переполох это вызовет у людей!? Что подумают люди, если я отменю охоту! Если догадаются о причинах отмены!? Что их эмир робок? Трус? Боится выйти из своих

покоев? У владельцев злых языков слепые глаза и тонкие шеи. Это хорошо, что ты, Тимур сын Торгая, понял меня с полуслова. А сейчас о другом.

– Я весь – внимание, отец, властелин необъятного Мавераннахра.

– Ты верно сказал – “необъятного Мавераннахра”. Что по твоему значит Мавераннахр?

Тимур несколько озадачен.

– Что!?

– Мавераннахр – великая держава.

– Великая, но, ты прав, и необъятная – на юге, в ... Кабуле... Кундузе... Хусейну удалось навести кое-какой порядок. А на севере... тут пошаливают люди твоего дядюшки – не пойму, что не хватает... Хаджи Барласу!? Все у него есть, все ему дал!... Или... тот же Самарканд – кажется, вот он под рукой, а не обнимешь. – Печально заключает эмир Казанган, – а на востоке все это на руку монголам Туглук Тимур радуется нашим слабостям.

– Я сын Торгая, а не Хаджи Барласа. У тысячи моих воинов – тысяча сабель и тысяча щитов. Они готовы встать грудью за вас, отец! За Мавераннахр!

– Ты просил принять и я тебя принял, но не думай, что это делаю из желания выслушать советы любого. Твои тем более. Забудь о советах, которые ты мне собирался дать, а бери с собой надежных тебе людей и отправляйся в... Самарканд...

– В Самарканд? Зачем!? – невольно вырвалось у Тимура.

– Ты удивлен? Спокойнее... Не в ссылку – нет, Тимур сын Торгая, я тебя не ссылаю – Я тебя отправляю с поручением...

– С поручением? – старается сдержать изумление Тимур.

– Да, с поручением, – говорит эмир, – и с поручением важным для меня. Для нас. Для Мавераннахра.

– Я готов выполнить любую вашу волю.

– Верю, – продолжает эмир, – взгляни вон туда! – Он показывает столик, на котором высятся песочные часы. – Дела в Самарканде, подобны песку, – подходит к часам, – я хочу, чтобы песок этот сыпался, – переворачивает часы, – в ту сторону, которую пожелаю я, а не те, кто жирует в Самарканде.

– Что я должен сделать?

– Представь: завтра на Мавераннахр пойдут монголы – как мы их встретим? Сколько воинов выставит Самарканд? И как он думает их выставить? Меня интересует о Самарканде все.

– Но там Джамаль со своими людьми, – как бы вскользь, замечает Тимур.

– Этот кривой безглазый Джамаль! – говорит раздраженно Эмир. – Пусть крепко запомнит: твоими устами буду говорить с ним я! Твои действия – мои действия! – берет в руки свернутую в трубку бумагу, отдает ее Тимуру, – здесь все сказано... Кроме одного: Я имею ввиду вот что: у Джамаль очень длинный язык и очень, как точно сказано тобой, тонкая... шея. Самарканд должен выставить тысячу! Самарканд обязан содержать эту тысячу! – добавляет, хитро прищурив глаза.

47.

Тимур возвращается через те же помещения, в одном из которых мы видим группу людей, видимо, очередных на аудиенцию к эмиру. Среди них – Абдаллах, который, увидев Тимура, окликает его:

– Тимур!

Абдаллах отводит зятя в сторонку, интересуется:

– Отец не принял твой совет – я был прав?

– У вас божий дар предвидения, отец.

– Ах, о каком даре речь! – игриво отмахивается Абдаллах, – Что

впереди нас ждет вот – вопрос.

– Меня – Самарканд. Для вас у нас – никаких тайн. Великий эмир – и да дарует Аллах ему долгую жизнь! – отправляет меня с поручением в Самарканд, – делится новостью. Тимур.

– В Самарканд? Какое поручение? – заволновался Абдаллах.

Однако Тимур изобразил всем видом нечто, что говорило о желательности данную ситуацию держать в секрете, да так, что Абдаллах невольно, забыв об осторожности, обернулся – действительно там, за спиной, «очередники», как по команде, прекратив беседы, «наострили уши» к его диалогу с зятем.

– О, Самарканд! Самарканд! – вздыхает Абдаллах, – Самарканд подобен сладостному сну! Закрою глаза и вижу: сады, сады!

– Какие сады в Самарканде! – явно реагируя на «диалог», – говорит один «очередник» другому.

– В окрестностях Самарканда! – вторит другой.

В приятную дискуссию включается третий и тогда Тимуру – к ужасу его! – становится ясно, что с этой минуты тайна о его предстоящей поездке в Самарканд рухнула. На лице его на этот раз написано нечто, что испытывает человек, только что осознавший свою оплошность. Немая сцена: «очередники» враз умолкают, надменно пытаюсь скрыть противоположное чувствам Тимура.

48.

Базарная площадь в Самарканде. Большие толпы зевак у аттракциона канатоходцев, образовавших живое кольцо.

– Маспоропсы из Хоросана. Впервые в Самарканде! Впервые в Самарканде! Маспоропсы из Хоросана! – выкрикивает один из канатоходцев.

– Кто сколько может! Кто сколько может! – выкрикивает другой,

по-видимому, ассистент главного канатоходца. На плечах у ассистента, обхватив ножками его шею и с шапкой в руках, устроился мальчик лет 5-6. – Кто сколько может! Не скупитесь, господа! Что в нашей жизни – таньга!? Кусочек жалкого металла! А мы подарим радость на всю жизнь! Свидетель Аллах – никогда вы не видели такого прекрасного зрелища! Кто сколько может! Ай, молодец! – хвалит ассистент какого-то мужчину. – Не пожалели две таньги – кто больше? Кто больше? Ассистент с мальчиком на плечах медленно, разжигая толпу, движется по кругу...

Среди зевак, в первом ряду, мы замечаем и... Чеку со своими дружками. Впрочем узнать его, загримированного в усатого и бородатого, нелегко, – Чеку весело бросает в шапку монеты – дружки смеются...

© Ибрагимов И.М., 2003. Все права защищены. Taryhy proza